

— По результатам вступительных экзаменов мне дали стипендию ("стипуху") - 29 рублей, но поскольку я относился к категории материально обеспеченных студентов (доход в семье больше 60 рублей на человека) - не дали общежития. Я хотел жить у Бургвицев в Сестрорецке, скандалил по этому поводу с мамой, но ею было определено, что я буду жить у Морозов на Удельной. Я поселился пятым в комнате площадью метров в восемнадцать квадратных, где жили тётя Люся с дядей Серёжей и их сыновья, мои двоюродные братцы - Вовка и Колька, один на два года, второй на семь лет младше меня. На ночь мне ставили раскладушку, тётя Люся кормила меня (превосходно причём, поесть Морозы любили, а готовила тётя Люся отлично) завтраками и ужинами, а обедал я в университетской столовой ("восьмёрке"): 35 копеек комплексный обед, хлеб бесплатно, да ещё капусту квашеную на столы выставляли, тоже бесплатно. Занимался я в читальном зале факультетской библиотеки и в Публичке - читальных залах Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина, что на Фонтанке недалеко от Невского, рядом с ААНИИ. Публичку я освоил ещё в абитуриентский период, и там мне очень нравилось - тишина в огромных залах, атмосфера какой-то торжественной серьёзности. ..

Я и Валерка Долгополов в ноябре 1960 г. в Калининграде (первокурсники, прилетели домой на ноябрьские праздники)

И закрутилась студенческая жизнь, в которой поначалу, на первом курсе в особенности, учёба занимала практически всё время. Лекции по общей физике в Большой Физической аудитории - профессор Кватер, сухой, невысокий, слегка пижонистый, читает не очень понятно; лекции по матанализу в Лектории на истфаке - доцент Широхов, круглый, толстый, лысый, в маленьких круглых очках, читает вдохновенно, очень четко, всё понятно, часто встаёт на цыпочки у доски, взмахивает руками и кажется - вот-вот взлетит; лекции по химии на химфаке, на 5-й линии Васильевского острова, куда мы тянемся с набережной Макарова нестройной толпой, - доцент Андреев, очень строгий дядька, часто сердится и изгоняет с лекций тех, кто, на его взгляд, недостаточно внимательно слушает, читает хорошо, во всяком случае достаточно громко и отчётливо; семинарские занятия на факультете по матанализу - ассистент Фадеев Миша, брюки дудочкой, девичье лицо, сын известного профессора-математика, невозмутимо реагирует на все шуточки вундер-девочек из нашей группы - Толчинской и Тимофеевой; лабораторные занятия в 1-й Физической лаборатории, - доцент Успенский, замдекана, вершитель судеб (успеваемость, посещаемость, стипендии, общежитие, акацмотпуска, отчисления и восстановления), учит нас определять погрешности измерений; обеды в "восьмёрке", трамвай, Публичка, снова трамвай, и конспекты, конспекты, конспекты...

—Продолжая линию, начатую в десятом классе, я очень много внимания уделял конспектам лекций. Я пытался сразу на лекции оформлять их чётко и красиво, подчёркивая и обводя в рамочки формулы. Но тут же я наткнулся на противоречие между необходимостью понимать то, что говорится, быстро это записывать (каллиграфическим почерком!) и красиво оформлять. Делать всё это сразу на лекции мне, естественно, не удавалось. Первым я принёс в жертву понимание. Чёрт с ним, лишь бы записать, потом разберёмся... Но и записывать, оформляя красиво, мне не удавалось без ущерба полноте записи. Пришлось искать компромисс. Вначале он был найден на таком пути: пишу, как получится, а уж затем в Публичке переписываю красиво со всякими там рамочками вокруг формул и т.п. Сил и времени, конечно, на это уходило - прорва. А я ещё с таким же тщанием продолжал вести историографию футбольных матчей первенства Союза. Тем не менее с этими фокусами я благополучно проучился до первой зимней сессии и даже сдал её на пятёрки. Правда, сессия была сравнительно нетрудной: всего два экзамена - история КПСС и физика, гораздо труднее было сдать все зачёты.

—На зимние каникулы я ездил домой, в Калининград.

Из дневника

3 февраля 1961 г.

Вообще-то говоря, я отказался от этой тетрадки и отдал её Галке. Это было семь месяцев тому назад. И вот снова она попала мне в руки, и я снова пачкаю авторучкой её страницы.

Было очень интересно прочитать всё, что написано здесь; многое - смешно, кое-что - глупо, но есть немного и дельных мыслей. Не знаю, может, стоит сохранить эту тетрадку?... Ну, ладно. Там видно будет.

Так что же хорошего произошло за эти семь месяцев? Летом занимался, поступил в университет. Осенью занимался и убеждался в слабости своих познаний, в декабре занимался, сдавал зачёты и дрожал перед сессией, в январе - сессия. На сессии повезло - сдал на "отлично", хотя знаю на "хорошо" с минусом, и то вопрос - знаю ли. Ну, ладно. Впереди весенняя сессия, посерьёзнее, шансов погореть куда больше, времени на мандраж достаточно...

И вот каникулы, о которых сентиментально мечтал во время учёбы. До их конца осталось два дня, не считая 6-го числа. Говорят, что быстро пролетают самые лучшие дни; я бы не сказал, что эти дни были "самыми лучшими", но пролетели они быстро.

Вообще в Калининград меня тянуло повидаться с нашими ребятами и, конечно, в первую очередь с Капюшончиком. Приехал 22-го января. Город подзастроился, но всё равно вид явно не блестящий ("не фонтан" - как сказал бы Валера Долгополов). Первым, кого я посетил в этот же день, был Славик. Он искренне обрадовался мне, выложил все свои и все калининградские новости. Пошли с ним на Светлую (вспомнили молодость!), впервые вызывали Капюшончика по-человечески, вернее, вызывал Славка...

В Ленинграде я часто представлял себе, как произойдёт наша встреча со Светкой, ждал чего-то необыкновенного. Но всё было довольно-таки обыденно, почти так же, как и в дни наших первых встреч, когда я жил здесь. Не находилось слов, словно и говорить не о чем. Но потом разговорились...

Побежали дни. Каждый день встречался с Валеркой, играл с ним в шахматы. Видел Тольку, он тоже был рад мне, вместе с ним ходили к Галке. В школе на вечере встречи выпускников встретил Нинушку и всех наших ребят. За это время ребята наши почти нисколько не переменились: всё так же мелко фраерятся Саньки - Чесноков и Алейников, пижонит Миша, хохмит Славик, треплется Валерка и т.д. Из всех здешних ребят только Валерка, Славка и Толька остались моими друзьями, да и то - Валерка теперь не здешний, остальные - уже просто знакомые.

Вечера здесь проводил в основном со Светкой. Она немного переменилась в лучшую

сторону, наверное, потому что подросла. Светка по-прежнему для меня проблема... Проблема, которая занимает очень большое место у меня вопреки моему же лозунгу: "Долой всякие проблемы!"...

— Это была последняя запись в тетрадке. Я взял её с собой в Ленинград, она затерялась где-то у Морозов, а через двадцать лет Колька вернул её мне.

Начал курить на первом курсе, 1961 г.

— После зимней сессии мне дали общежитие. В течение первого семестра продолжался отсев неуспевающих и в довольно-таки широких масштабах, отсюда и места появлялись в общежитии. Я, кстати, не так уж чтобы и обрадовался. Жизнь моя у Морозов вошла в устойчивую колею, я ладил со всеми, несмотря на часто истеричный характер отношений тёти Люси с детьми, а временами (но особенно остро) - с дядей Сережей.

— Вообще, их семейная жизнь оставляла досадное впечатление. Дядя Серёжа - интеллигент в лучшем смысле этого слова, несмотря на своё всего лишь среднее техническое образование (техникум), мягкий, деликатный человек, живо интересующийся всем в мире, особенно космическим естествознанием, заядлый фотолобитель, открыто и приветливо расположенный ко всякому, чуть откликающемуся на порывы его души.

— Тётя Люся - в сущности добрая, но почему-то сварливая женщина, наверное, от своей невыдержанности. У них много общего с мамой, но мама взрывалась гораздо реже, а тётя Люся - чуть ли не по каждому поводу. Со мной она была неизменно ласковой, ни разу голос не повысила, а вот со своими детьми... И они платили ей той же монетой за непрерывные окрики, хамили, дерзили, препирались, доводя мать до белого каления. Дядя Серёжа, конечно, смягчал атмосферу, но порой и он не выдерживал, срывался...

— В период моего проживания у Морозов дядя Серёжа ездил в Англию, возил гомзовские приборы на выставку в Лондон, от этой поездки мне досталась белая нейлоновая рубашка, которую я таскал потом лет пятнадцать. По дяди Серёжиному примеру я стал регулярно заниматься упражнениями с гантелями, утром обливаться холодной водой. Про тёти Люсины кормёжки я уже говорил. Но слишком уж далеко было ездить из Удельной в университет, больше часа в один конец. И я согласился на общежитие, тем более, что опыт проживания в первой общаге у меня уже имелся.

(продолжение следует)